

Политика Фердинанда Болгарскаго относительно Россіи.

Въ настоящее время, когда идутъ оживленные толки и въ печати и въ обществѣ объ отношеніи Болгаріи къ Россіи, весьма уместно вспомнить напечатанную въ 1-й октябрьской книжкѣ журнала „La Revue“ за 1913 г. статью „Le Saint-Siège et les Balkans“, въ которой говорится именно объ этихъ отношеніяхъ, вслѣдствіе чего она пріобрѣтаетъ, живой, современный интересъ.

Глава I.

Разговоръ кардинала Ледоховскаго съ русскимъ дипломатомъ весной 1894 года о князѣ Фердинандѣ Болгарскомъ, и о предстоящей князю значительной роли въ Болгаріи.—Предсказаніе кардинала о кончинѣ Императора Александра III.—Схизматическая болгарская церковь; сохраненіе ея независимости при поддержкѣ Ватикана.—Мѣропріятія принцессы Клементины для воссоединенія болгаръ съ католицизмомъ.—Католическая, Византійская, Болгарская имперія.

Авторъ названной статьи, русскій дипломатъ, князь N, пріѣхавъ весной 1894 г. въ Римъ, счелъ долгомъ побывать у стараго своего знакомаго, кардинала Ледоховскаго. Въ передней его онъ встрѣтилъ старую даму съ сѣдыми волосами, которую кардиналъ провожалъ со знаками самаго высокаго почтенія. Это была принцесса Клементина, мать князя Фердинанда Болгарскаго. Съ нея и началъ князь разговоръ, выразивъ сожалѣніе, что дѣти ея не наслѣдовали высокаго ума дочери короля Луи-Филиппа.

— Э-э, возразилъ кардиналъ, кажется однако-жь, князь Фердинандъ не такъ глупъ...

— Глупъ—нѣтъ, но конечно неспособенъ выпутаться изъ труднаго положенія, въ которомъ онъ находится.

— Вотъ какъ разъ вы заблуждаетесь, возразилъ Ледоховскій. Не говоря уже о томъ, что князь Фердинандъ пользуется превосходными совѣтами своей матери, онъ самъ по себѣ тонкій политикъ, и я не сомнѣваюсь, что онъ не только сумѣетъ утвердиться въ Болгаріи, но и будетъ играть одну изъ самыхъ значительныхъ ролей. У него въ жилахъ хорошая кровь.

— Кровь Эгалитэ, не могъ не замѣтить князь.

— Кровь Эгалитэ,—да, но если эта кровь была, она опасна во Франціи, она можетъ оказаться полезной въ другомъ мѣствѣ. Я ненавижу всѣ интриги, продолжалъ кардиналъ самымъ серьезнымъ тономъ, но иногда духъ интриги необходимъ, когда имѣется въ виду достиженіе великой цѣли.

— Но какую же великую цѣль можетъ имѣть князь Фердинандъ. Единственная, которую онъ можетъ преслѣдовать—это возведеніе княжества Болгаріи на степенъ королевства, а для этого ему необходима поддержка Россіи, на что рассчитывать нельзя, въ особенности при нынѣшнемъ нашемъ императорѣ.

— Александръ III не проживетъ и года, отвѣчалъ кардиналъ.

Князь былъ пораженъ. Въ это время, въ мартѣ 1894 г. о болѣзни, постигшей нашего Государя, ничего не было извѣстно въ обществѣ и даже его окружающіе ничего не знали о ея серьезности. Князь былъ смущенъ увѣренностью, съ которой Ледоховскій произнесъ смертный приговоръ Государю. Замѣтивъ это, Ледоховскій продолжалъ:

— Васъ удивляетъ то, что я сказалъ, но припомните, что у насъ есть такіе источники свѣдѣній, которые не всѣмъ доступны, и рѣдко эти свѣдѣнія оказываются не точными. Когда дѣло идетъ о столь замѣтной личности, какъ вашъ Государь, то естественно, что мы стремимся знать все, что касается его. Повторяю вамъ, что Александръ III пораженъ смертельно и никогда не оправится отъ этой болѣзни, которая его подтачиваетъ. Ваши врачи, сколько ихъ ни есть, ничего не понимаютъ. Да, Александръ III не проживетъ и года; тогда послѣдуютъ большія перемѣны и князь Фердинандъ будетъ играть еще большую роль въ Европѣ.

— Вы забываете объ одномъ, замѣтилъ князь, что кромѣ своего иностраннаго происхожденія, Фердинандъ имѣетъ противъ себя свои извѣстныя австрійскія симпатію и религію. Болгарія—православная, а Кобурги—католики, принцесса Клементина считается даже фанатичной,—такъ какъ же вы хотите, чтобы католическій князь, сынъ фанатичныхъ родителей, заставилъ себя полюбить въ странѣ православной, какова Болгарія.

— Вотъ въ чемъ вы ошибаетесь, возразилъ кардиналъ, Болгарія—не православная.

— Не православная? воскликнулъ князь.

— Нѣтъ, не православная. Церковь болгарская не православная, греческая, а болгарская, да она вѣдь и у васъ называется схизматической. Всѣ ваши современные богословы говорили о болгарской схизмѣ. Между тѣмъ Вы знаете, что схизма доступна обращенію на истинный путь, и остается узнать, къ какому исповѣданію примкнетъ окончательно болгарская церковь, и я не вижу, почему ей необходимо войти въ лоно вашей церкви, а не соединиться съ церковью Константинопольской или же нашей. Васъ это удивляетъ, продолжалъ Ледоховскій, но когда вы взглянете на сущность вещей, то вы найдете, что я не совсѣмъ неправъ. Болгарія переживаетъ рѣшительный моментъ своего существованія и принцесса Клементина лучше это понимаетъ, чѣмъ ея сынъ. Вотъ почему она благопріятствуетъ развитію религіознаго образованія въ Болгаріи. Да вотъ одной изъ причинъ ея визита ко мнѣ была просьба послать нѣсколько сестеръ милосердія, которыя могли бы, въ случаѣ надобности, руководить школами для бѣдныхъ дѣтей, которыя она хочетъ учредить въ Софіи. При хорошемъ обученіи легко направить націю на извѣстный путь, въ особенности когда этотъ путь есть путь прогресса.

— Но что же будутъ дѣлать сестры въ странѣ, не зная болгарскаго языка?

— Языку выучиться не трудно, да и не въ этомъ пока дѣло. Я хотѣлъ вамъ дать понять, что князь Фердинандъ можетъ легко овладѣть религіознымъ вопросомъ, вы знаете, что народы больше всего любятъ независимость, а если имъ ее обѣщаютъ во всемъ, даже въ религіи, то они конечно пойдутъ за тѣми, кому они довѣряютъ, что независимость будетъ неприкосновенна. Я не вижу необходимости для болгарской церкви присоединиться къ православію, какъ оно практикуется у васъ или въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ, и стать въ зависи-

мость отъ одной изъ этихъ церквей, тогда какъ она можетъ оставаться независимой, пользуясь поддержкой Ватикана. Ватиканъ—это еще сила, хотя папа и не имѣетъ власти въ матеріальномъ смыслѣ этого слова.

— Но вы не допускаете, безъ сомнѣнія, обращенія цѣликомъ болгарской націи въ католичество;—вѣдь мы живемъ не во времена Хлодвига.

— Обращеніе. Кто говоритъ объ этомъ. Примиреніе—самое большее.

— Извините, не вѣрю я въ примиреніе.

— Вы еще молоды, мой другъ, сказалъ кардиналъ съ тонкой улыбкой. Вамъ многое остается узнать, вы не знаете еще, что значать эти два слова: „взаимныя уступки“. Вернитесь назадъ, продолжалъ онъ,—и припомните уроки исторіи, которые вамъ давали въ дѣтствѣ. Чѣмъ была Византійская имперія? Христіанской имперіей, т. е. католической, такъ какъ тогда не существовало другой христіанской церкви. Что же удивительнаго, что новая Византійская имперія, имѣющая возникнуть, будетъ католической—какъ первая. Для всего міра было бы важно видѣть крестъ, вновь воздвигнутый на св. Софіи. Это было бы торжествомъ всего христіанскаго міра независимо отъ раздѣляющихъ его исповѣданій. При этихъ условіяхъ Римъ оказался бы снисходительнымъ; онъ взглянулъ бы благосклонно на болгарскую церковь и усвоеніе ею формъ древняго греческаго ритуала; другой вопросъ—были ли бы столь же снисходительны Петербургъ и Константинополь. Россія, я убѣжденъ, никогда не допуститъ иного верховенства власти на Балканахъ, кромѣ своего.—Я хотѣлъ вамъ дать понять, что наша церковь смотритъ иначе на болгарскую церковь, чѣмъ ваша, и если мы терпимъ первую, то мы отказываемся допустить вторую.

Глава II.

Попытки Фердинанда къ сближенію съ Россіей, при сохраненіи полной независимости. — Фердинандъ въ далматикѣ и мантии Византійскихъ императоровъ.—Свиданіе Фердинанда съ Львомъ XIII и предположеніе къ обращенію въ православіе княжича Бориса.—Секретная встрѣча принцессы Клементины въ Швейцаріи съ римскимъ прелатомъ о установленіи болгарской іерархіи, принимающей верховенство святого престола.—Истинныя чувства, которыя питаетъ болгарское населеніе къ Россіи.

Зимой 1894 г. послѣ преждевременной кончины Императора Александра III начали смутно говорить о попыткахъ сближенія князя Фердинанда съ Россіей. Новый Авраамъ, говорили,

хотѣлъ принести въ жертву своихъ дѣтей—если не Богу, то отечеству. Тогда вопросъ былъ обо всѣхъ дѣтяхъ князя, а не объ одномъ старшемъ сынѣ.

По совѣтамъ очень высокопоставленныхъ лицъ князь Фердинандъ призналъ, что если онъ хотѣлъ утвердиться въ Болгаріи, то онъ долженъ былъ попытаться примириться съ русскимъ кабинетомъ, который съ тѣхъ поръ отказывалъ признать законность его избранія на болгарскій престолъ. Трудность состояла въ томъ, чтобы, добившись полнаго признанія, не сдѣлаться вассаломъ Россіи, а сохранить свою независимость, не будучи связаннымъ обязательствами, которыя трудно было бы нарушить. Фердинандъ честолюбивъ; онъ мечтаетъ о возстановленіи старой Византійской имперіи и не даромъ же онъ снялся въ фотографіи въ костюмѣ старыхъ Византійскихъ императоровъ, въ далматикѣ и мантии, густо расшитой на плечахъ. Фотографія эта предназначена была только для членовъ его семейства и не должна была поступить въ обращеніе въ публику,—развѣ только при исключительныхъ обстоятельствахъ¹⁾. Но въ то же время Фердинандъ отдавалъ себѣ отчетъ, что онъ не имѣетъ никакого права на наслѣдство Палеологовъ и Комненовъ и что единственно, что ему остается сдѣлать, это прибѣгнуть къ силѣ.

Въ это время вкрадчивый голосъ одного іезуита выяснилъ затрудненія, въ которыхъ путался Фердинандъ, и указалъ ему путь, способный привести его къ цѣли, которую онъ преслѣдовалъ.

Извѣстно, что однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній Льва XIII было соединеніе греческой и латинской церкви. Была даже образована особая комиссія съ цѣлью изучить этотъ вопросъ. Далекій отъ того отвращенія, которое имѣлъ къ разнымъ православнымъ общинамъ Пій IX, преемникъ его далъ доказательство крайняго къ нимъ благоволенія. Многочисленныя миссіи въ Левантѣ получили точныя инструкціи—быть снисходительными насколько возможно къ греческимъ общинамъ и даже закрывать глаза на нарушеніе нѣкоторыхъ привилегій, которыми пользовались латинскія общины. Все это создавало вокругъ князя Фердинанда особую атмосферу, вліяніе

¹⁾ „Наше Время“ въ передовой статьѣ (отъ 6 іюля п. г. № 14123) сообщаетъ, что множество фотографій Фердинанда въ одѣянніи Византійскихъ императоровъ было распространено въ 1912 и 1913 г. въ рядахъ Болгарской арміи и сдѣланы были приготовленія къ коронаціи во время похода генерала Савова на Чаталджу.

которой онъ чувствовалъ. Самъ того не подозрѣвая, онъ испытывалъ впечатлѣніе этой атмосферы и увлекся обѣщаніями многого, чего онъ рѣшилъ не исполнять, но принять потомъ во вниманіе. Въ это время онъ отправился въ Римъ и имѣлъ свиданіе съ папой. Эти оба глубокіе политики хорошо поняли другъ друга и согласились соблюдать благоприличіе, такъ что благословеніе, которое далъ Левъ XIII сыну принцессы Клементины, показалось въ глазахъ свѣта ничѣмъ инымъ, какъ порицаніемъ.

Этого именно и желалъ Фердинандъ. Явный разрывъ съ Римомъ представлялъ лучшую гарантію, какую онъ могъ дать, своей солидарности со славянскими чаяніями на Балканахъ. Фердинандъ вполне отдавалъ себѣ отчетъ, что съ поддержкой Россіи онъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ наиболѣе важныхъ, если только не совсѣмъ важнымъ лицомъ, среди королей и князей, спорящихъ изъ-за первенства на Балканахъ, но въ то же время онъ зналъ, что онъ долженъ дать видимый залогъ вѣрности русскимъ интересамъ, чтобы не оставить никакого подозрѣнія въ его искренности.

Этотъ залогъ—это было обращеніе къ православію старшаго сына Фердинанда и наслѣдника княжича Бориса. Но рѣшиться на это—значило сжечь корабли со стороны Австріи, которая сдѣлала ему авансы, въ то время, какъ Петербургскій кабинетъ поворачивался къ нему спиной, это значило возбудить противъ себя австрійскую аристократію, среди которой у него была масса друзей; это значило оттолкнуть отъ себя навсегда католическое духовенство, котораго вліяніе на Востокъ было однако-жъ значительно и которое при помощи различныхъ миссій въ Левантѣ могло ему чувствительно навредить. Всѣ эти обстоятельства затрудняли сына принцессы Клементины, съ которой онъ долго ихъ обсуждалъ и по нѣскольку разъ. Результатомъ этихъ обсужденій была поѣздка въ Римъ, а передъ тѣмъ новая крайне секретная встрѣча въ началѣ 1895 г. въ Швейцаріи принцессы Клементины съ однимъ римскимъ прелатомъ, который занималъ въ конгрегаціи прелатовъ важный постъ, и который взялъ на себя начать въ Ватиканѣ переговоры касательно возможности установленія болгарской іерархіи, признаваемой Римомъ и, съ своей стороны, принимающей верховенство святого престола.

Мысль эта должна была соблазнить такого способнаго политика и дипломата, какимъ былъ Левъ XIII. Она была пріятна и Австріи, которая, понимая, что она не можетъ еще претен-

довать на абсолютное верховенство на Балканахъ, имѣла бы такимъ путемъ сильное тамъ вліяніе, пользуясь княземъ или царемъ Фердинандомъ какъ орудіемъ ея плановъ и исполнителемъ ея мѣропріятій по уничтоженію вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Она должна была, какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, снискать симпатію болгарскаго духовенства,—которому противна была зависимость отъ Константинополя или отъ Аѳинъ и еще болѣе отъ Петербурга, но которое мечтало о независимости, въ чемъ пока ему было отказано.

Для всякаго, кто знаетъ Болгарію, трудно сохранить хоть малѣйшую иллюзію относительно чувствъ, которыя питаетъ населеніе этой страны къ Россіи. Преданность русскому дѣлу высказывается иногда лишь въ журнальныхъ статьяхъ и выражается внѣшнимъ образомъ только въ вѣнкахъ, возлагаемыхъ къ подножію памятника Александру II, поставленнаго на одной изъ Софійскихъ площадей. Нація, правительство и духовенство, когда они думаютъ объ Россіи, слѣдуютъ правилу Ларошфуко, что „неблагодарность есть независимость сердца“. Они мечтаютъ изгладить воспоминаніе о томъ, чѣмъ они обязаны Россіи, и далеко не будучи ей преданы, они однакожь требуютъ отъ нея поддержки каждый разъ, когда находятъ ее необходимой или выгодной,—но они смѣются надъ наивностью, съ которою русская публика принимаетъ ихъ лицемерныя заявленія преданности, и каждый разъ, когда они воображаютъ, что они ввели дипломатію и въ особенности русскую печать въ заблужденіе, то они испытываютъ такую радость, которая не можетъ не поразить тягостно пронизательнаго русскаго, оказавшагося случайно ея свидѣтелемъ.

Глава III.

Фердинандъ получаетъ громадныя суммы для подготовленія соединенія болгарской схизмы съ Римскою церковью.—Болгарскій акзархъ будущій патріархъ константинопольскій.—Фердинандъ Византійскій Императоръ.—Князь Лобановъ Ростовскій мечтаетъ вернуть Болгарію къ Россіи.—Псевдоприсоединеніе княжича Бориса къ православію.—Славянская конференція во главѣ съ Фердинандомъ подъ покровительствомъ Австріи.—Трактатъ съ Греціей и Сербіей съ намѣреніемъ Болгаріи не исполнить его.

Левъ XIII въ разговорахъ съ рѣдкими духовными лицами, которыхъ онъ приближалъ къ себѣ, не разъ высказывалъ радость, какую онъ испыталъ бы лично, а также за весь католи-

ческой міръ отъ соединенія болгарской схизмы съ Римскою церковью. Съ этою цѣлью всѣ огромные ресурсы пропаганды были переданы въ распоряженіе князя Фердинанда, чтобы дать ему возможность провести мысль о такомъ соединеніи въ болгарскомъ народѣ. Честолюбіе духовенства Болгаріи было заботливо подстрекаемо: болгарскому экзарху показывали въ перспективѣ бѣлый клобукъ митрополита, а затѣмъ и патріарха.

Обширный заговоръ былъ затѣянъ во мракѣ. Онъ имѣлъ цѣлью посадить домъ Кобурговъ, при помощи Ватикана и Вѣны, на тронѣ древнихъ Византійскихъ императоровъ въ Константинополь, а болгарскаго экзарха на патріаршій тронъ Св. Софіи, къ великой радости христіанскаго міра, который долженъ былъ признать совершившійся фактъ и радоваться паденію полумѣсяца.

Въ этомъ заговорѣ принимали участіе не только высшее духовенство Рима и Софіи, но и Вѣны и весь цѣликомъ орденъ іезуитства съ кардиналомъ Штейнгюберомъ во главѣ.

А князь Фердинандъ не рѣшилъ еще, какой линіи поведенія слѣдуетъ ему держаться. Онъ выслушивалъ всѣ отвѣты, которые давали ему отовсюду—изъ Вѣны, изъ Рима и изъ Петербурга—и ждалъ.

Пока онъ обуревался сомнѣніями и спрашивалъ себя, что ему слѣдуетъ предпринять, въ Петербургѣ произошло событіе, которое имѣло огромное вліяніе на его рѣшеніе. Министръ Гирсъ сошелъ въ могилу и былъ замѣненъ княземъ Лобановымъ, съ которымъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Фердинандъ велъ переговоры съ цѣлью добиться признанія Россіей его права на Болгарскій престолъ. Лобановъ, человекъ крайне тонкій и умный, былъ дипломатъ старой школы. Занявъ постъ посла въ Вѣнѣ, онъ не могъ не знать извилистыхъ путей австрійской политики. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ случая наблюдать путей политики Ватикана. Онъ тотчасъ увидѣлъ важность для Россіи вернуть Болгарію въ сферу ея политики и сдѣлать Болгарію тѣмъ, чѣмъ она всегда должна была бы быть, союзникомъ и вассаломъ нашей страны. Къ несчастью, при всемъ своемъ умѣ онъ не отдавалъ себѣ отчета, что присоединеніе княжича Бориса къ болгарской схизмѣ совсѣмъ не то, что присоединеніе его къ православію. Церемонія псевдокрещенія маленькаго мальчика, сдѣлавшагося ставкой въ игрѣ, происходившей въ Софіи, сопровождалась такими обстоятельствами, которыя, естественно, не были замѣчены. Такъ, крестъ

былъ возложенъ на ребенка латинскій, а не греческій, святое миро было взято изъ церкви воссоединенныхъ грековъ и наконецъ погруженія въ воду не было.

Для всякаго, кто знаетъ непреклонность Римскаго двора когда дѣло идетъ объ отступничествѣ отъ его догматовъ, не можетъ быть сомнѣнія, что событія, случившіяся въ Софіи, были терпимы,—если только не одобрены въ Ватиканѣ.

Когда князь Фердинандъ былъ признанъ Россіей, а также и другими великими державами Европы государемъ Болгаріи, онъ продолжалъ сношенія какъ съ пропагандой, такъ и съ іезуитами, и съ Вѣнскимъ кабинетомъ. Мало-по-малу образовался проектъ обширной славянской Имперіи или славянской конфедерациі, во главѣ которой стоялъ бы Фердинандъ подъ покровительствомъ Австріи. Соединеніе Болгарской церкви съ Римомъ повело бы къ разрыву съ Россіей, но способный Кобургъ предоставилъ себѣ выбрать моментъ, когда слѣдуетъ приступить къ этому соединенію—именно тогда, когда, благодаря покровительству Россіи, ему удалось бы низвергнуть съ престола султана и утвердиться на берегахъ Босфора. Этотъ проливъ надлежало открыть для военныхъ кораблей всей Европы, и тогда Россія не могла бы претендовать на обладаніе имъ. Великая славянская имперія, о которой мечталъ Петръ Великій, пала бы передъ интригами Ватикана.

Князь Фердинандъ, послѣ признанія его великими державами, продолжалъ исполнять планъ, замышляемый способными людьми, сумѣвшими сдѣлать князя своимъ ученикомъ. Восточная Румелия объявила независимость и княжество Болгарское сдѣлалось царствомъ. Всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы упрочить новый престолъ, и послѣ смерти Льва XIII политику его продолжали какъ конгрегациа пропаганды, такъ и общество іезуитовъ, высшіе вліятельные члены котораго явились передѣтыми въ Софію и вступили въ сношенія съ высшимъ болгарскимъ духовенствомъ. Издержали огромныя суммы, чтобы побудить европейскую печать воспѣвать хвалы молодому царству, во главѣ котораго стоитъ столь знаменитый правитель, какъ царь Фердинандъ. Вскорѣ нашли, что дѣло можно двинуть далѣе и тогда благодаря тайнымъ стараніямъ австрійской дипломатіи и поощренію Ватикана былъ подписанъ съ Греціей и Сербіей знаменитый трактатъ, который Болгарія заключила, какъ она цинически призналась, съ намѣреніемъ не исполнить своихъ обѣщаній.

Остальное извѣстно; извѣстно, какъ обманчивы бываютъ самыя тонкіе человѣческіе расчеты. Но чего не знаютъ, и что лучше всего даетъ понятіе о тайныхъ пружинахъ всей этой исторіи, это то, что въ день объявленія войны Турціи, во всѣхъ религіозныхъ католическихъ учрежденіяхъ въ Левантѣ, а также въ церквахъ воссоединенныхъ грековъ въ Римѣ совершались божественныя службы для снисканія благословенія неба на православыя болгарскія арміи. О сербахъ и грекахъ не было и помину.

В. Перетолчинъ.

